

Маракотова бездна

I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вёл капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трёх человек, в их числе американец — механик с завода «Мерибэнкс» в Филадельфии.

Все они — и команда, и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходящий к приметам погибшего судна, и видел, как он пошёл ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ялик

с надписью «Стратфорд»; там же плавали решётки, сорванные с палубы, спасательный буёк и части спардека. Всё это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нём, ни о его команде. Ещё больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В своё время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего, необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» ещё стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правлением заводов «Хэнтер и компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что всё днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всём этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существ-

вует четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них — письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Круса, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания «Стратфорда» в гавани.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвёртый и последний — удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в моё распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени ещё не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Круса, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти всё время я проводил с Биллом Сканленом, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, „свидание с девчонкой“. Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сахар. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил

меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочёл бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощён своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. „Самый чёрствый сухарь на свете“, — выразился про него Билл Сканлэн. И однако, нельзя не преклоняться перед таким учёным. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьёзного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве лёгкого чтения — геккелевские „Планктонные работы“¹.

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приёмной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо — лицо Савонаролы² или, вернее, Торквемады³ — никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперёд нос, близко посаженные маленькие

¹ «О планктоне» — название одной из монографий Эрнста Геккеля (1834–1919) — немецкого естествоиспытателя, видного последователя учения Чарльза Дарвина.

² *Джироламо Савонарола* (1452–1498) — итальянский проповедник-реформатор, изобличавший распущенность духовенства, тиранию Медичи, создатель Флорентийской республики. Когда сторонники его были разбиты папистами, его обвинили в ереси и сожгли.

³ *Томасо Торквемада* (1420–1498) — глава испанской инквизиции, первый Великий инквизитор.

серые сверкающие глазки под нависшими ключеватыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щёки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, — вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, достигаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберётесь.

Итак, о начале нашего плавания. „Стратфорд“ — превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебёдки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Ещё до отплытия „Стратфорд“ приобрёл репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна мор-

ского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивиль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелёгким. Начать с того, что доктор — самый рассеянный и самоуглублённый человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтёру пенни, полагая, что сел в трамвай? Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, как он тут же их прячет. Я твёрдо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам своих планов. Таково моё впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

— Слушайте, мистер Хедли, — сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, — как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

— Полагаю, — ответил я, — что мы займёмся тем же, чем занимался до нас „Челленджер“ и добрая дюжина других океанографических экспедиций, — откроем несколько новых разновидностей

рыб, нанесём несколько новых данных на гидрометрические карты.

— Ничего подобного, — возразил Сканлэн. — Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

— Ну... на случай, если испортятся машины.

— Как бы не так! Какие там машины! Машина „Стратфорда“ на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счёт.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повёл меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблёскивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабжённые по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

— Что это за чертовщина? — спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна — у него лицо не то опереточного комика, не то боксёра — расплылась в улыбке.

— Это мой малютка, сэр, — заявил он. — Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть ещё такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть ещё крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформе можно сдвигать с места.

— Двойное дно, — подтвердил Сканлэн. — Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола — окна вот здесь, запакованы отдельно — и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

— Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, — сказал я.

— Это вы верно смекнули, — согласился Билл Сканлэн и поскрёб затылок. — Вот я и не могу никак сообразить, в чём тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего ещё не говорил, я тоже молчу, но всё принимаю, и, ежели он ещё дол- будет молчать, я и сам всё узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом — занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребаёт всё, что встречает на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили — совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаски-

вали полтонны чистой розовой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделённых между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистощимы, и мы усердно их собирали. И всё время я не мог избавиться от ощущения, что не затем привёз нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнётся настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройтись, ибо завтра рано утром мы отплывём. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьёзный скандал, причём в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл — известный задира, и, по его выражению, у него часто *кулаки чешутся*, но, когда вокруг столпилось с полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролётками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Всё сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружи-

лись человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил он. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— И на вашем попечении нет никого из близких?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих намерениях: у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие — как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил своё намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывём к нашей настоящей цели.

— Какая же это цель? — спросил я.

Он весь подался вперёд, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл ещё час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

— Да, молодой человек! — сказал он. — Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнём.

Он усмехнулся. Он был не лишён некоторого суховатого юмора.

— Да, сэр, „нырнём“. Это самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдёт в историю науки. Я твёрдо убеждён, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я ещё не сумею сказать какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее одной тонны на квадратный дюйм, — ответил я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни — существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

— Давление уравнивалось, — ответил я. — Оно одинаково изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпеливо дёрнув головой. — Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, *gastrostomus globulus*. Разве их не расплющило бы в лепёшку, если бы давление

было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплюсциваются даже на самых больших глубинах.

— Но опыт водолазов...

— Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — внутреннее ухо¹. Но по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закалённой двуххромоникелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Уильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчёт ошибочен — ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрём во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

— На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

Над его столом была приколотая карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

¹ У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода; среднее ухо, или барабанную перепонку; и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдёте её на картах под названием Маракотова бездна.

— Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? — воскликнул я.

— Нет, нет, — с улыбкой ответил Маракот. — Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трёхсот фатомов¹.

— Трёхсот фатомов? Треть мили! — воскликнул я.

— Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать об этом в трубку.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасена на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены

¹ Фатом равен 1,82 м.

мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединёнными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Люка военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что ещё вас смущает?

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелёгкое. Мозг мой быстро работал, а воображение — ещё того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот чёрный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спёртый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые всё расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это — безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

— Доктор, я с вами до конца! — воскликнул я.

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочесть. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якорь где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нём: „Здесь или где-либо поблизости покоится всё, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж. Хедли“».

Второй документ — неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Аройя». Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

«Лежим на боку. Положение безнадежное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Сканлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам...

Яхта „Стратфорд“».

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы такой странный, что его сочли бредом

радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчёт о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала «Арабеллы Ноулз», направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

«Среда, 5 января 1927 года. Широта $27^{\circ} 14'$, западная долгота 28° . Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник доложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой лёгкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь лёгким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шарик. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри его что-то вроде свёртка бумаг. Сделан он был из такого упругого материала, что

нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и, прочитав её, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить её британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня».

Вот всё, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж. Хедли, которые мы сейчас приведём без малейших искажений.

«Кому я пишу? Смело могу сказать: всему миру, — но так как это адрес весьма неточный, то укажу определённое: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее моё письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать как продолжение. Я готов к тому, что, если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадётся на глаза человеку. Но всё же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам — это, я полагаю, уже другой вопрос, но когда люди увидят прозрач-

ный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае, вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как всё это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в день отплытия из Санта-Круса. Знай я наперёд, что нам придётся пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверно, даже зная, что нас ожидает, я всё же принял бы предложение доктора Маракота и прошёл бы через всё до конца. Да, я даже уверен в этом: я всё равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Круса. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей всё и всех. Сухой, рассеянный ворчун-учёный внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамо-машины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стёкол очков, как прожекторы. Он, казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и бóльшую часть времени проводил у машины, которую Скан-

лэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

— Ну, мистер Хедли, дело идёт на лад, — сказал Билл на второе утро. — Пойдёмте ко мне, взгляните на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но всё же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклёпан к четырём стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который навёртывался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы „Стратфорда“. Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплён на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые чёрные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но в ту минуту всё было благополучно, и „Стратфорд“ мягко покачивался

СОДЕРЖАНИЕ

МАРАКОТОВА БЕЗДНА. Роман	
<i>Перевод Е. Толкачева и П. Гелевы</i>	5
ОТКРЫТИЕ РАФЛЗА ХОУ. Роман	
<i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	147